

Мкртич Пешикташлян

СБОРНИК

Стихотворения

ПЕСНЯ ОТЧИЗНЫ

Пока природа тешится надеждой,
Что после долгой, пасмурной зимы
Придет весна, зеленою одеждой
Покроет вновь долины и холмы,
И птицы защебечут, в небе рея,
И мир воспрянет, красками пестрея,—
К тебе спешу я, ты меня встречай,
Армения моя, мой дивный край!
Что мне красоты древние Эллады! —
Они не краше, чем твои луга.
Увы, уже не дарят мне отрады
Италии лазурной берега.
Я от тебя вдали — скиталец нищий,
Тоска мне служит и питьем, и пищей,
Все мои думы — о тебе одной,
Армения, желанный край родной!
Настанет день — я сгорблюсь, как от груза,
И холодок почувствую в крови.
Настанет день — измученная муза
Уже не вспомнит песен о любви,
И будет мрак всё глубже, всё безбрежней. .
Тогда к тебе прильну я с силой прежней,
В твоих объятьях обрету покой,
Армения моя, мой край родной!

1850

МЫ — БРАТЯ

(Песня)

Пусть все на свете звуки ясные,
Став песней, огласят наш мир,
Пусть девы юные, прекрасные
Коснутся струн певучих лир —
Напевы те не прозвучат
Милей и слаще слова «брат».
Дай руку мне! Мы были грозами
Кровавыми разметены,
Но нам любые силы грозные,
Когда мы вместе, не страшны.
Всю землю обойди стократ —
Не сыщешь слаще слова «брат»!
Когда сынов своих Армения
Вновь соберет из чуждых стран —
Прольются слезы исцеления
На боль ее глубоких ран.
Всю землю обойди стократ —
Не сыщешь слаще слова «брат»!
Одной семьей мы жили исстари...
Давайте соберемся вновь
И вновь сольем в порыве искреннем
Свои мечты, свою любовь.
Всю землю обойди стократ —
Не сыщешь слаще слова «брат»!
К единой цели устремленные,
Мы к жизни возродить должны
Не раз бедою опаленные

Просторы отчей стороны.

Всю землю обойди стократ —

Не сыщешь слаще слова «брат»!

1862

АРМЯНСКИЙ ХРАБРЕЦ

Тоску и ненависть таит

Взгляд юноши. Большой и сильный,

На склоне горном он стоит,

На камень опершись могильный.

«Сын этой гордой высоты,

Скажи, чем опечален ты?

Иль жаждешь ты дорог иных —

В морях, где пенятся буруны,

Где под смычком ветров шальных

Трепещут волны, точно струны?

Сын этой гордой высоты,

Скажи, чем опечален ты?

Иль хочешь ты, чтоб над тобой

Склонились звезды с небосвода

И пестрых красок ворожкой

Тебя утешила природа?

Сын этой гордой высоты,

Скажи, чем опечален ты?

Участья матери ты ждешь?

Иль в ласках девушки любимой

Отдохновение найдешь

Ты от тоски неумолимой?

Чего ты просишь у судьбы?»

— «Прошу оружия и борьбы!»

1862

СМЕРТЬ ХРАБРЕЦА

Ты ищешь меня, моя бедная мать?

Взгляни же сухими глазами

На раны мои. И не надо рыдать.

Пусть в горе зальются слезами

Турецкие матери — ты не рыдай,

Ты добрые вести в Зейтун передай.

О мать, ты не знала ни ночи ни дня

В трудах и заботах о сыне.

Так бережно ты укрывала меня

В моей колыбели! И ныне,

Укрыв меня отчей землей, не рыдай,

Ты добрые вести в Зейтун передай.

«Армяне, пусть солнцем сияет всегда

Для вас и для отчего края

Жизнь сына, рожденного мною», — тогда

Ты пела над люлькой, родная.

Я пал за отчизну. И ты не рыдай,

Ты добрые вести в Зейтун передай.

Сочится из ран моих алая кровь,

Но смерть я, не дрогнув, приемлю.

Взгляни на безжалостных наших врагов
Их трупы усеяли землю.

91

Их кара постигла. И ты не рыдай,

Ты добрые вести в Зейтун передай.

Свирепо рыча, налетела на нас

Драконья зловещая стая,
Но пламя великого гнева в тот час
Зажгла в нас Отчизна святая.
Наш недруг повержен. И ты не рыдай,
Ты добрые вести в Зейтун передай.
Нам слышался радостный голос отцов,
Когда мы на битву вставали,
И души погибших армянских бойцов,
Отмщенные, возликовали.
Масис улыбнулся. И ты не рыдай,
Ты добрые вести в Зейтун передай.
Прими поцелуй мой. Последним «прости»
Его отнеси моей милой.
Приникну к земле, перед тем как сойти
В объятья ее... Над могилой
Пусть крест мне поставят... О мать, не рыдай,
Ты добрые вести в Зейтун передай.
(1863}

ПОХОРОНЫ ХРАБРЕЦА

Мы в рог не трубили, и эхо в горах не металось,
Чтоб горькую весть разнести и в ущельях пропасть.
Мы песен не пели, рождающих боль или жалость,
Когда раскрывалась могильная черная пасть.
Сгушались вокруг понемногу вечерние тени,
Тяжелые камни штыками ворочали мы.
Луна, трепеща, наклонилась над нами в смятенье,
Да скорбно застыли поля, небеса и холмы.
Не нужен ни гроб и ни саван. Над телом героя
Вздыхать мы не стали, слезу утирая тайком, —

Как будто он просто устало прилег после боя,
И спящего друга мы красным укрыли плащом.

92

Словами невнятными заупокойной молитвы
Отважный священник — народа и бога солдат —
Его помянул, и призвал нас на новые битвы,
И взглядом суровым окинул наш сомкнутый ряд.
Когда же торжественно в яму его опускали
И алую рану увидели мы на челе,
«Товарищ наш верный, — мы тихо ему
прошептали, —
Ты пал за Отчизну — ты праведно жил на земле.
Иди, передай прародителям доблестным нашим,
Что дух вольнолюбия в нас не угаснет вовек.
Пусть бедствия неисчислимы, нам недруг
не страшен —
Тверды как скала, мы разбойничий встретим набег».
Пронзительный ветер в теснинах свистел временами,
И в тучах нахлынувших лунные скрылись лучи.
Безмолвно, как призраки, высились горы над нами,
Угрюмый обряд наблюдая в ненастной ночи.
Студеной землей мы могилу его забросали
И крест водрузили. И кроме креста — ничего...
Надгробья не ставили, пышных словес не писали —
Лишь холмик остался
да вечная слава его.

1862—1863

12. ВЕСНА

О ветер, ты веешь прохладой, ты

Нам сладкие даришь напевы.

Придя на заре, ты ласкаешь цветы

И мягкие локоны девы.

Но если ты веешь не с отчей земли —

Умолкни и скройся вдали!

О птица, ты пьешь голубую росу,

Твой голос так сладостен, птица,

Что всё замирает в тенистом лесу,

Чтоб пеньем твоим насладиться.

Но если летишь ты не с отчей земли —

Умолкни и скройся вдали!

Ручей, так пленительна песня твоя,

Такой ты прозрачный и ясный,

Что зеркалом служит живая струя

И розе, и деве прекрасной.

Но если бежишь ты не с отчей земли —

Умолкни и скройся вдали!

Пусть птицы и ветры отчизны моей

Встречают в пути лишь руины,

Пусть хмур и невзрачен армянский ручей,

Бегущий во мраке теснины, —

Далекими вздохами отчей земли

Они в мое сердце вошли.

(1864)

СЛЕЗЫ ДЕВЫ

(Песня)

Плачь, дева, плачь! Пусть в час ненастный

Сверкает жемчугом слеза.

О, плачь! В слезах вдвойне прекрасны

Твои прекрасные глаза!

Люблю цветок простой зеленый,

Что средь лугов иль спелых нив,

95

Ночной росой отягощенный,

Стоит, головку наклонив.

Люблю я солнце на рассвете,

Когда, светлы и горячи,

Вдруг погружаются, как сети,

В пучину волн его лучи.

Тебя люблю, мой ангел юный,

Когда твой лик печально-тих

И лиры горестные струны

Поют о бедствиях людских.

Плачь, дева! Слезы сострадания

Украсят светлые черты.

Плачь! Я в плену очарованья —

В слезах вдвойне прекрасна ты!

Плачь, дева, плачь, покуда Счастье

С небес на землю не спорхнет,

В порыве нежного участия

К тебе, печальной, не прильнет.

Плачь, дева, ведь оно вернется.

Плачь, дева, скорби не таи.

Оно придет — и улыбнется

И слезы высушит твои.

1864

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вздыхала нежная фиалка:

«Мои опали лепестки

И высох стебелек. Как жалко,

Что дни фиалки коротки!

Но на судьбу роптать не буду,

Хоть жестока она со мной,—

Подобно маленькому чуду,

Я снова расцвету весной».

Роса сказала зоревая:

«Ложусь я россыпью огней,

Цветы и травы умывая

Бодрящей свежестью своей.

Лишь солнце жжет меня сурово...

Но ты обиды не таи,

Мой добрый сад: я утром снова

Паду в объятия твои».

Пел соловей из рощи дальней

В ответ на эти голоса:

«Прощай, прощай, родник хрустальный!

Прощайте, темные леса!

Да, я лечу в края иные,

Но голубой придет апрель —

И вы услышите, родные,

Мою залиvistую трель!»

О чем грустишь порою летней,

Ручей? Что значит шепот твой?

«Я иссякаю всё заметней,

Я гасну, я едва живой.

Но под весенними лучами
Снега растают — и опять,
Вспоенный чистыми ключами,
Я буду весело журчать».

Померкло солнце на закате
И вот ушло за край земли.

Его малиновое платье
Прощально вспыхнуло вдали.

«О, не печалься, мир прекрасный,
Встречая мрак и тишину, —
Ведь я вернусь зарею ясной
И краски все тебе верну!»

И солнце, и цветы, и росы,
И серебристый ручеек,
И соловей сладкоголосый —
Всё возвращается в свой срок.

Лишь ты, о дева, злой судьбою
Погубленная в цвете лет,
Свою красу взяла с собою,
Которой нет возврата, нет!

1864

ЛЕТИТЕ, МОИ ПЕСНИ

Летите, мои песни, не туда,
Где солнце блеск и трепет разливает,
Где ветер кружит облаков стада
И кудри херувимов развевает.

Летите, мои песни, не в огни
Той радуги — небесного убора,—

Чьи краски, драгоценностям сродни,
Сверкают так приманчиво для взора.
Летите, песни, не в круговорот
Страстей любовных, чьи слепые силы
Испепеляют нас из года в год
И не дают покоя до могилы.
Летите, мои песни, не в простор
Голубизны небесной, где извечно
Сильфиды пляшут под нестройный хор
Ветров,, поющих вольно и беспечно.
Летите к деве, песни, мчитесь к ней!
Она не ждет вас, знаю, — но летите
И в свете колдовских ее очей
Печально и почтительно замрите.
И если вдруг она заметит вас,
И если удивится этой встрече,
Как стайка птиц, вспорхните вы тотчас
И сядьте ей на руки и на плечи.
Пусть смех ее счастливый служит вам
Наградой единственной на свете.
Баюкайте ее по вечерам
И ласково будите на рассвете.
Мой зов не донесется до нее,
Так пусть она хоть шепот ваш услышит
И сердце переполнится мое
Той радостью, что боль тоски утишит»
1864

МАРШ

Любовь моя, прощай! Я слышу зов

С полей, где закипает бой кровавый.
Спешу примкнуть к отрядам храбрецов —
Мы поровну поделим бремя славы.
Пусть нам с тобой уже не суждено
Увидеться — мне нет пути иного.
Не плачь, моя родная! Всё равно
Там, в небесах, тебя я встречу снова.
Не гнев слепой терзает грудь мою —
Я голосу Отчизны нашей внимлю,
Я в бой иду, чтоб в праведном бою
От недругов спасти родную землю!
1867

ПРОГУЛКА У ГОРЫ ВЕЛИКАН

(Песня)

Море смеялось, сверкало, блестело,
Лодка по морю скользила легко,
Нас ветерок тормозил то и дело
И улетал далеко-далеко.
О, возносите нас, крылья улады,
Вверх по горе — до вершинной прохлады!
Пела вполголоса юная дева,
Пела, безбрежного счастья полна.
Вторя чарующим звукам напева,
Лодку на гребне качала волна.
О, возносите нас, крылья улады,
Вверх по горе — до вершинной прохлады!
Сердцу приятна прогулка такая —
Длился не дольше мгновения час,
Будто не лодка, а фея морская

К светлому берегу вынесла нас.
О, возносите нас, крылья улады,
Вверх по горе — до вершинной прохлады!
Нам улыбается, радуясь встрече,
Ввысь устремившийся гордый титан —
Облачной дымкой укрытые плечи
И опоясанный зеленью стан.
О, возносите нас, крылья улады,
Вверх по горе — до вершинной прохлады!
Юная дева щебечет, как птица, —
Сколько открыли ей новых чудес
Эти тропинки, где сумрак таится,
Эти ручьи, и поляны, и лес!
О, возносите нас, крылья улады,
Вверх по горе — до вершинной прохлады!
Выше по склону — о, как нескончаем
Сердцу и глазу открытый простор!
Выше по склону — над криками чаек,
Над парусами я руки простер.
О, возносите нас, крылья улады,
Вверх по горе — до вершинной прохлады!
И, как ныряльщики бросившись с кручи,
Мысли мои устремляются вниз —
В кипень прибоя, что хлещет гремяче,
В переливание солнечных брызг.
О, возносите нас, крылья улады,
Вверх по горе — до вершинной прохлады!
Кружевом пены, рожденной в пучине,
Я без конца любоваться готов.

Так по весне расцветает в долине
Белая роза — царица цветов.
О, возносите нас, крылья улады,
Вверх по горе — до вершинной прохлады!
Свет низвергается лавой отвесной —
Солнце дарует огонь колдовской
Морю, плененному ширью небесной,
Небу, плененному ширью морской.
О, возносите нас, крылья улады,
Вверх по горе — до вершинной прохлады!
Как ты чиста и прекрасна, природа,
В дни, когда реки встряхнутся от сна
И под сияньем лазурного свода
Краски земли обновляет весна.
О, возносите нас, крылья улады,
Вверх по горе — до вершинной прохлады!
Как ты щедра и прекрасна, природа,
Даже тогда, когда льются дожди,
Ибо любая проходит невзгода —
Радугой светится мир впереди!
О, возносите нас, крылья улады,
Вверх по горе — до вершинной прохлады!
В час, когда сумраком и тишиною
Ночь поспешит нашу землю устлать, —
Небо, украсившись томной луною,
Будет глядеться в зеркальную гладь.
О, возносите нас, крылья улады,
Вверх по горе — до вершинной прохлады!
Как ты дика и прекрасна, природа!

Молния — взгляд твой, а голос твой — гул
Гневного моря, когда непогода
Вдруг начинает свой вольный разгул.
О, возносите нас, крылья улады,
Вверх по горе — до вершинной прохлады!
Вижу отсюда и море, и сушу,
Мир открываю я с этих высот,
И ликованием полнит мне душу
Вид этих древних и вечных красот.
О, возносите нас, крылья улады,
Вверх по горе — до вершинной прохлады!
Дева, воспой же их радостной песней,
Ибо сама ты — одно из чудес
Вечной природы. Твой голос прелестный
Слушают птицы в просторах небес.
О, возносите нас, крылья улады,
Вверх по горе — до вершинной прохлады!
Заговорила — и пламенем чистым
Черные очи наполнились вдруг,
Песню запела — и светом искристым
Вспыхнули сразу деревья и луг.
О, возносите нас, крылья улады,
Вверх по горе — до вершинной прохлады!
Стихли раскаты прибоя. Казалось,
Замер весь мир — до далеких морей.
Только дыхание ветра касалось,
Как поцелуй, этих мягких кудрей.
О, возносите нас, крылья улады,
Вверх по горе — до вершинной прохлады!

Легкое облачко, плившее мимо,
Начало вдруг приближаться к земле,
Песне внимало и неуловимо
Тенью дрожало на светлом челе.
О, возносите нас, крылья улады,
Вверх по горе — до вершинной прохлады!
Это два ангела в небе парили,
Были их крылья легки и быстры.
«Радостно слышать, — они говорили, — • Нежную песенку нашей сестры».
О, возносите нас, крылья улады,
Вверх по горе — до вершинной прохлады]

ПЕСНЯ

Уйду бродить по склонам Алемдага,
Беспечно, отрешась от суеты, —
Туда, где ручейков живая влага
Поит собой деревья и кусты.
Там в час восхода слитки золотые
Бросает солнце на вершины гор.
Сверкают кроны, светом залитые,
И ветерок ласкает сонный бор.
Но ласковей, чем ветерок весенний,
Порхает легкий ангел надо мной,
И слаще всех на свете песнопений
Звучит любимой голос неземной.
Спустишь ко мне! Природа засыпает,
И сумерки сгущаются вокруг.
Вот соловей рулады рассыпает,
Но, кроме ночи, нет у нас подруг.
Спустишь ко мне! Вдвоем по тропам мглистым

Пройдем с тобой в лесу — рука в руке —
По тихим травам, по замшелым листьям,
Пока закат не смеркнет вдалеке.
Пусть руки твои нежно обвивают
Жемчужным ожерельем шею мне,
Пусть волосы твои нас укрывают
И мир застынет в сладком полусне.
Когда вокруг безмолвствуют просторы,
Нет тишине ни края, ни конца,
Тогда сердца вступают в разговоры —
В ночи красноречивее сердца.
К груди твоей устало и покорно
Припав щекой, усну в глухом бору...
И если вдруг любовь твоя притворна —
Мне лучше не проснуться поутру.

СТАРЕЦ ИЗ ВАНА

(Песня)

Эта ночь беспросветна, как сердце мое.
Мир застыл, одинокий, безмолвный,
Лишь ворчат, погружая меня в забытие,
Моря Ванского черные волны.
В небе тенью плывут облака,
А заря еще так далека!
О Мехек, моя дочь, роза вешних полей,
Ты — услада усталому взору,
Подойди и руками мне шею обвей

И меня проводи к Айоц Дзору.
В небе тенью плывут облака,
А заря еще так далека!
Твой любимый Артак от тоски занемог.
Этой ночью у нашего дома
Пел он песню любви, но не вспомнить не мог
О лишеньях потомков Торгома.
В небе тенью плывут облака,
А заря еще так далека!
«О, доколе, скажи, в нашем отчем краю
Будем слышать мы вражьи угрозы?» —
Так он пел сокровенную песню свою,
И глаза нам туманили слезы.
В небе тенью плывут облака,
А заря еще так далека!
Здесь отцы обрели вечный сон и покой.
Если ж.вихри на нас налетают
И не видно просвета — над нашей бедой
Безутешно их души рыдают.
В небе тенью плывут облака,
А заря еще так далека!
Пробил час мой. Вокруг — ни звезды, ни огня.
Ухожу я, отчаянья полный,
К славным предкам своим. Пусть оплачут меня
Моря Ванского черные волны.
Ты в слезах, моя бедная дочь?
Не рыдай!.. Скоро кончится ночь!

ВАМ СЧАСТЬЯ НЕ ЗНАТЬ

Разве хоть кто-то из смертных живет бесконечно,
Горя не зная и радуясь жизни беспечно?
Разве красавица роза не никнет с тоскою,
Если с куста она сорвана грубой рукою?
Нет, армяне, вам счастья не знать,
Если в беде вы оставите Родину-мать!
Пусть бесконечность вселенной обнимет твой
разум,
Пусть тебе таинства мира откроются разом —
Счастья не ведая, будешь ты ныне и присно
Жалкой игрушкой судьбы, что слепа и капризна.
Нет, армяне, вам счастья не знать,
Если в беде вы оставите Родину-мать!
Витязи наши летели навстречу сраженью
И становились для вражеской пули мишенью,
Только желанной победы, увы, не вкусили —
Ангелы смерти их души с собой уносили.
Нет, армяне, вам счастья не знать,
Если в беде вы оставите Родину-мать!

ПЕСНЯ

Вино в пирушке разудалой!
Ты так любимо храбрецом
За то, что схоже с кровью алой,
В сраженье пролитой бойцом.
Вино бессмертное, живое,
Ты льешь в нас пламя боевое,

А отшумит войны гроза —
Ты освежаешь, как роса.
Зеленый лавр стоит, счастливый,
Под гул и песен разнобой,
И даже тихие оливы
Смеются весело с тобой.
Красавиц одаряешь лаской,
Им щеки заливаешь краской
И закипаешь ты в крови
Тех, кто достоин их любви!

ЛИРА ДЕВЫ

Одинок, я сидел на вершине холма.
Разъяренные тучи
Надо мною, гонимые ветром, неслись,
точно призрак летучий.
Так свирепо и грозно металась они,
так сверкали очами,
Что казалось — то демоны бурь
небеса рассекают мечами.
Невеселые думы, нахлынув волной,
мне чело бороздили,
Уводили меня по дорогам ночным,
память мне бередили,
Воскрешая бывшее величье моей
угнетенной отчизны,
Ее ратные подвиги, раны ее,
ликованья и тризны.
Над равнинами думы мои пронеслись,

точно скорбные птицы,
Чтоб родные могилы во тьме отыскать
и на них опуститься.
Там, храня тишину, кипарисы стоят
в жаркий полдень, в ночи ли,
Там Армении славные богатыри
вечным сном опочили.
И ни звука ни шороха — стылый покой,
тишина и забвенье,
Только глухо и смутно ветвями шуршит
темный лес в отдаленье,
Будто он сочиняет погибшим бойцам
гимн победно-печальный.
Или это еще не затих до сих пор
чей-то плач поминальный?
И внимают деревья, внимают холмы,
лунным светом облиты...
Но гляди — шевельнулись могилы в ночи
и откинулись плиты!
И встают наши витязи из-под земли,
озирают округу,
Расправляют могучие плечи свои
и подходят друг к другу.
Из стесненных грудей — то ли стон, то ли хрип
рыком вырвался львиным,
И тревожит их голос дремотную тишь,
разносясь по долинам:
«Не печальтесь, воители отчей земли
и творцы ее славы,

Ибо скоро грядет ее новый рассвет,
новый день величавый.
Он на крыльях стремительных вам принесет
и свободу и счастье,
Он исполнит все ваши мечты, он сметет
черный сумрак ненастья.
Будет неотвратим и целителен шаг
обновленного мира!»
Смолк провидческий глас. Но слышна в тишине
Девы нежная лира.
О пресветлая Дева Армянской земли,
дочь бессмертной природы!
Навсегда одарили тебя красотой
горы, пашни и воды,
Окружают тебя ароматом своим
все цветы полевые,
Обнимают тебя звезд хрустальных лучи,
трепеща, как живые,
Соловей-полуночник ласкает твой слух,
разливая рулады..
О прекрасна ты, Дева, дочь этой земли,
звезд и лунной прохлады!
Заиграла на лире, запела ты вновь —
и раздвинулись дали,
Засветился восток, и просторы долин
лучезарнее стали.
Закружились армянские богатыри
в танце, полном веселья,
И от топота ног задрожали холмы,

застонали ущелья.

А потом они скрылись в могилах своих

после бешеной пляски,

И баюкает их твоей лиры напев,

полный неги и ласки...

ПЕСНЯ

Вспомни, дева, меня

в ту минуту, когда на ладони

Ты головку опустишь

и чутко вздремнешь, точно птица,

И вспорхнут над тобой,

и закружатся грезы твои.

Вспомни, дева, меня,

когда солнечный луч шаловливый

На заре прикоснется к тебе

и проснуться заставит,

Ты откроешь глаза, улыбнешься,

постель покидая, —

Это чистое ложе

твоих целомудренных снов.

Вспомни, дева, меня,

вспомни, дева, гуляя по саду,

Где цветы разливают

пьянящий густой фимиам,

Вспомни, дева,

когда твою душу восторгом наполнят

Тихий утренний ветер

и трепетный солнечный свет,

Ароматы весенние
и соловьиные трели
И ты скажешь, вздохнув:
«Неужели уже никогда
Он меня не увидит,
не будет он больше
Любоваться цветами,
вдыхать упоительный запах,
Слушать шепот зефира? ..
Неужто померкли навеки
Для него эти росы, и солнце,
и синее небо?»
Вспомни, дева, меня,
когда, в зеркало глянув однажды,
Ты воскликнешь капризно:
«Неужто и впрямь этот облик
Так прекрасен и нежно лукав,
как казалось ему?»
В шелк волос своих пышных
вплетая нарядные ленты
И, как прежде, игриво
смеясь своему отражению,
Ты промолвишь:
«Как часто меня убедить он пытался
В том, что брови красивы мои
и глаза — бесподобны,
Что уста мои алые
служат приманкой для пчел,
Что на ангела я похожу

и душой, и обличьем...
Ах, возможно ль поверить,
что правду он мне говорил!»
Вспомни, дева, меня,
когда счастье тебя переполнит
И обступят тебя,
заставляя забыть обо всем,
Наслажденья и радости,—
вспомни меня в этот час.
Вспомни, дева, меня,
когда к сердцу подступит тоска
И ты голову склонишь —
росой отягченную розу,—
Пусть любовь моя будет
надежной опорой тебе.
Вспомни, дева, меня,
когда дикий увидишь цветок,
Что стоит, трепеща,
на могиле моей одинокой.

ПОСЛЕДНИЙ ВЗДОХ

Как обреченный человек,
томящийся на смертном ложе,
Свое последнее прости
земле и солнцу посылает,
Долинам, рощам и лугам,
ручьям, поющим неумолчно,
Всему, что дышит и живет,
звучит, колеблется, трепещет,

Всему, что обольщает взгляд
гармонией цветов и звуков,—
Так обращаю я сейчас,
свое последнее посланье,
Свою глубокую тоску,
испепелившую меня,
К тебе, о дева!
Разреши мне любоваться умиленно
Лицом сияющим твоим
и волнами твоих волос,
Увидеть вновь твои глаза,
в которых тихий свет струится,
И лишь потом уйти навек,
уйти печально, сокрушенно,
Сложив к ногам твоим венок,
что соткан из мгновений счастья,
Которые когда-то мне
ты подарила милосердно.
Хранил я свято тот венок,
и согревал огнем души,
И орошал росой из глаз,
чтоб краски жизни в нем не гасли.
Возьми ж его, теперь он твой,
я возвращаю твой подарок
И ухожу...
Я ухожу, а ты мне вслед не смотришь даже,
Ты не качаешь головой,
не спрашиваешь беспокойно:
«Куда идешь ты и зачем,

скиталец сирый, бесприютный?»

О, внимли, внимли мне, Грануш!

Похожие на хищных птиц,

Луну застлали облака

крылатым непроглядным мраком,

И беспросветна ночь моя,

и холодна моя могила.

Но я, раздвинув твердь земли,

пришел к тебе из царства мертвых

Лишь потому, что не смогли

исторгнуть из души моей

Пресветлый образ твой, Грануш,

ни смерть, ни сумрак вечной ночи.

Да, я ушел в небытие,

я канул в тишину забвенья,

Но так сильна моя любовь,

что пережить меня смогла,

Не задохнулась от тоски,

не умерла и не истлела.

О, внимли, внимли мне, Грануш!

Ответь на этот слабый зов.

Я бестелесен, почему ж ты хмуришься

и взгляд отводишь?

Я бестелесен, почему ж

ты отвернулась от меня?

Нет, не затем я шел к тебе,

чтоб ласку вымолить твою,

Нет, не затем я шел к тебе,

чтобы просить любви ответной.

Я — призрак, мне ли ждать любви,
ведь я не знал ее при жизни,
При жизни не был я согрет
теплом участия твоего —
Способна ль мертвого любить
та, что живого не любила!
Нет, не затем пришел я вновь,
о, внимли, внимли мне, Грануш,
Мне надо знать, довольна ль ты
и счастлива ли ты, как прежде,
Всё так же светится лицо
предчувствием увеселений,
Всё так же манят и влекут
тебя беспечные забавы,
А очи ясные твои —
они по-прежнему ясны,
Как в те мгновения, Грануш,
когда ты на меня глядела?
Поблекший, высохший веночек
воспоминаний обо мне
Небрежно выбросила ты,
поскольку пламя новых чувств
Уже снедает грудь твою,
и чувства те нетерпеливо
К иной груди устремлены
и над моей могилой мчатся...
Способна ль мертвого любить
та, что живого не любила!
Но я храню тебя, Грануш,

в душе, любовью обожженной.
И не умрет любовь моя —
бессмертие дало ей крылья.
Стремительней, чем звездный свет,
чем золотая колесница
Зари рассветной, мчит она
сквозь беспредельные пространства,
И разгорается сильнее
ее неистовый огонь,
Грануш, я не забыл тебя...
И маму буду вечно помнить.
Я часто обращался к ней,
рассказывая о тебе,
И вот опять — в последний раз — я говорю:
«Прости мне, мама,
Что, потеряв тебя, я жил,
что ты ушла, а я остался.
Но рано закатился свет
моей сиротской бедной жизни...
О мама, дева та была
чудесней всех чудес на свете,
И сколько красок у земли,
и сколько красок у небес —
Все воплотились в ней одной,
все в ней одной соединились.
Как дикий мед, ее уста
больное сердце врачевали,
И обволакивал меня
ее очей палящий зной

И черный мрак ее волос...
Ах, мне всегда казалось, мама,
.Что, покидая этот мир,
ты кротко господу молила
Послать мне ангела, чтоб он
стал утешителем моим,
Мне заменив сестру и мать,
вернул все радости земные.
Я думал, ангелом любви
та дева будет для меня,
Но оказалось, что она —
жестокий ангел смерти, мама!>

ПРЕДСМЕРТНАЯ ПЕСНЯ

Я позабыть хотел, но я не смог
Измерить глубину той страшной бездны,
Которая в моем разверзлась сердце,
Исполненном несбыточных надежд.
И набегают вновь воспоминанья
Рокоцущим безжалостным прибором,
На гребни волн вздымая боль мою.
Когда же начинает мне казаться,
Что боль прошла, отхлынула, угасла,
Как тут же возвращается она,
Меня в пучину муки низвергая.
И слышу стук неистового сердца,
И голова склоняется всё ниже —
К земле, к могиле. И не затухает

В моей груди пылающий огонь.
Ах, прежде чем призвать меня, Господь,
Яви мне милость: дай еще однажды
Увидеть ту, чья жизнь была как факел,
Светивший мне. Пусть хоть на краткий миг
Она меня утешит ясным взглядом —
Ее глаза мой озаряли путь.
Из всех сокровищ неба и земли
Я лучшее избрал. Всегда и всюду
Она была дыханием моим,
Душой моей души и смыслом жизни,
Возвышенным и вечным. Без боязни
В грядущее глядел я, ведь любовь
Была моим оружием и защитой,
И даже смерть казалась незнакомкой,
Которая придет ко мне однажды
С загадочной улыбкой на устах
И ледяным дыханием своим
Окутает — и разлучит навеки
С той розой нежно-алой, что была
Так хороша и так недостижима.
Ах, где вы, грезы сердца моего,
Куда ушли, в какой сокрылись дали?
Кромешный мрак царит в моей душе,
И жгучие не просыхают слезы.
Зачем ты обделил меня, Господь,
Участьем и заботой? Кто поверит,
Что ангел, нежным голосом своим
Меня вернувший к жизни, — нынче снова

Безжалостной рукой меня толкает
В пучину бездны, в черный зев могилы.
На свете нет мучительнее казни,
Чем тяжких дум всечасный лютый гнет,
Я многое познал и пережил,
Уйди, исчезни, лживая Надежда,
Я больше не хочу тебя! Оставьте
Меня в покое, голоса любви,
Прощайте, светозарные виденья,
Что наполняли жизнь мою блаженством,-
Пленительный обман, дурманный сон,
Мед сладкий и смертельный, ослепленье
И пагуба для сердца!
О, прощайте,
Идите с миром, ладан свой струя
На все мои иллюзии и грезы.
И пусть меня могила упокоит —
Отдохновенья вечного обитель,
О, лишь она меня утешить может
И лишь она не может обмануть!
Я к ним сойду — к моим ушедшим рано
Родителям. И там, в уединенье,
Я буду безмятежно почивать.
Когда же разрушительные вихри
Нарушат мой кладбищенский покой
И, разметав забытую могилу,
Коснутся властно моего чела —
Восстану я и крикну:
«О, приди же!

Приди ко мне, ведь я уже не тот,
Кого ты избегала постоянно.
Неужто ты, как прежде, ненавидишь
Меня — и даже больше, чем живого?»
О, заблужденье горькое! Она
Не слышит и совсем меня не помнит.
И я, объятый думами, лежу,
Тесна и холодна моя могила —
Пристанище безвременья и мрака.
Но ручеек, журчащий надо мною,
Уснувшие воспоминанья будит —
И вновь я вижу колыбель свою,
И ранние, младенческие годы,
И вешним солнцем залитое поле,
Веселые мальчишечьи забавы,
Мои прогулки в рощах, где листва
Раздумчиво шуршала под ногами
И страстно заливались соловьи.
О, иногда летит моя душа
Туда, как зачарованная птица,
Вновь навещая пестрые луга,
Тропинки детства и тебя, мой друг,
Единственный, кто вспомнит обо мне,
Единственный, кто смерть мою оплачет.